

Е. В. ЧЕШКО

К ВОПРОСУ О ПАДЕЖНЫХ КОРРЕЛЯЦИЯХ

Чтобы быть по-настоящему плодотворной, дискуссия о структурализме не должна ограничиваться лишь теоретическим обсуждением основных положений структурной лингвистики. Необходима критическая проверка на конкретном языковом материале правильности и универсальности законов и отдельных концепций, сформулированных в структуральных исследованиях.

В этом отношении заслуживает внимания статья чешского ученого М. Докулилы, опубликованная к IV Международному съезду славистов¹. Автор ставит перед собой следующую задачу: проверить на материале современного чешского языка действительность и правильность известных положений пражской лингвистической школы, в частности — теорию морфологических корреляций Р. Якобсона, опирающуюся на принцип асимметрии лингвистической структуры² и принцип бинарных двучленных противопоставлений. В применении к морфологической системе принцип асимметрии раскрывается Якобсоном как противопоставление признаковой и беспризнаковой категорий, т. е. категории, сигнализирующей о наличии какого-то признака А, и категории, не сигнализирующей о наличии этого признака. Последнее выражается в том, что беспризнаковая категория может выражать и не выражать данный признак в зависимости от условий контекста. Мы позволим себе проиллюстрировать это положение примером из интересующей нас области падежных корреляций. Вин. падеж, по мнению Якобсона, сигнализирует о том, что на данный предмет направлено действие (сигнализирует об объектном значении), в противоположность чему им. падеж не может быть охарактеризован как падеж с противоположным значением, так как он наряду со значением субъекта может выражать и значение объекта действия. Это и служит для Р. Якобсона основанием рассматривать данный падеж как не сигнализирующий о признаке направленности³. Таким образом, объем значений противопоставляемых категорий не равен: беспризнаковая категория обладает большим объемом значений, так как способна выражать помимо своих особых значений также значения признаковой категории. В этом и проявляется асимметрия лингвистической структуры.

Признак бинарности заключается в том, что все, даже многочисленные грамматические системы, как, например, система падежей, могут быть сведены к ряду двусторонних противопоставлений. Так, система русских падежей основана, по мнению Якобсона, на трех двучленных противопоставлениях, которые в последнем его докладе на IV Международном съезде славистов определены следующим образом: 1) признак направленности вин. и дат. падежей противопоставлен отсутствию такового в им. и твор. падежах; 2) признак объемности в род. падеже противопоставлен отсутствию такового в им. и вин. падежах, и тот же признак в предл. па-

¹ М. D o k u l i l, K otázce morfológických protikladů, SaS, ročn. XIX, číslo 2, 1958.

² S. K a r s e v s k i, Du dualisme asymétrique du signe linguistique, «Cahiers F. de Saussure», 14, 1956.

³ R. J a k o b s o n, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, TCLP, 6, 1936, стр. 249.

деже противопоставлен отсутствию такового в твор. и дат. падежах; 3) по признаку периферийности твор., дат. и предл. падежи противопоставлены лишенным этого признака им., вин. и род. падежам⁴.

М. Докулил не рассматривает категории падежа, однако он ставит вопрос, который, нам кажется, должен быть снова рассмотрен и применительно к этой категории: «Если нам действительно удастся,— пишет М. Докулил,— привести морфологическую систему данного языка к ограниченному числу исключительно двусторонних противопоставлений, будут ли эти противопоставления всегда корреляциями в смысле яacobсоновских, т. е. противопоставлением чего-то с ничем в области их значений?»⁵.

Мы поставим этот вопрос применительно к категории падежа: следует ли общее значение им. падежа понимать как недостаток признаков направленности, объемности и периферийности или значение данного падежа может быть охарактеризовано положительно? Прежде чем перейти к его рассмотрению, сформулируем свои исходные позиции. Мы разделяем мнение ученых, полагающих, что падеж обладает морфологическим или общим значением, и присоединяемся к следующему положению Р. Яacobсона: «Каково бы ни было разнообразие семантических вариаций, зависящих от чисто синтаксических и лексических условий, все же единство падежа остается реальным и ненарушимым... В каждом падеже все его частные, комбинаторные значения могут быть приведены к общему знаменателю. В отношении к прочим падежам той же системы склонения каждый падеж характеризуется своим инвариантным общим значением, собственной „значимостью“, согласно удачной передаче сосюрковского термина „valeur“ в переводе А. М. Сухотина»⁶.

Мы считаем важным остановиться еще на двух положениях доклада Р. Яacobсона, так как они уточняют позицию автора в принципиальных вопросах, определяющих метод исследования. Нельзя не согласиться с возражением Яacobсона против механического перенесения фонологических методов на грамматические исследования: «При всей плодотворности фонологического опыта для разысканий в других языковых планах нельзя автоматически прилагать фонологические критерии к грамматическим элементам, которые в отличие от фонологических, чисто различительных средств наделены собственным значением»⁷. Признание изоморфизма в языке не должно исключать признания специфики его отдельных систем. Поэтому не следует механически выводить за пределы лингвистики все то, что отличает морфологическую и лексическую системы от фонологической. А это прежде всего фактор значения. В отличие от дифференциальных признаков фонем, в качестве которых выступают различные артикуляционные или акустические особенности звуков, т. е. элементы, не обладающие каким-либо значением или значимостью, в морфологии дифференциальными признаками служат элементы значения.

Таким образом, специфика морфологической системы определяет необходимость учета данных семантического анализа для определения морфологического значения падежей: «Вслед за регистрацией комбинаторных (синтаксически или лексически обусловленных) значений каждого падежа должна быть произведена дальнейшая операция — морфологический анализ падежных значений, который открывает лежащую в их основании систему минимальных единиц грамматической информации, т. е. падежных признаков, и по общности признака объединяет падежи в классы»⁸.

⁴ Р. О. Яacobсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением, s'Gravenhage, 1958, стр. 5.

⁵ М. Dokulil, указ. соч., стр. 89.

⁶ Р. О. Яacobсон, Морфологические наблюдения..., стр. 3.

⁷ Там же, стр. 6.

⁸ Там же, стр. 8.

Строя морфологический анализ на базе семантического, нужно, однако, четко разграничивать функционально-семантический план, который можно назвать планом грамматической семантики, и план морфологический, который мы называем планом грамматического представления. В первом случае речь идет о том, что обозначают, какие реальные отношения могут выражать те или иные морфологические категории в различных условиях контекста. К функционально-семантическому плану относятся, таким образом, все контекстуальные, т. е. синтаксически и лексически обусловленные значения падежей, в том числе и те субъектно-объектные значения, которые подробно рассматриваются Р. Якобсоном в его работе «Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre». Во втором случае речь идет о тех минимальных единицах грамматической информации, носителем которых является данная грамматическая категория, о тех признаках, которые определяют, почему данная категория функционирует так, а не иначе, почему, например, тот или иной падеж может выступать в одних условиях контекста, выражая при этом определенные значения, и не может функционировать в других контекстах или других значениях.

В работах исследователей, пытающихся проводить структурный анализ в области морфологии по методу Р. Якобсона, разграничению этих двух планов не уделяется должного внимания. Источником этой ошибки является труд самого Р. Якобсона, в адрес которого различными учеными делались неоднократные упреки по поводу чисто семантической ориентации его теории. Однако критика эта велась главным образом с позиций синтаксической теории падежа, подвергающей сомнению самую постановку вопроса о наличии у падежей общего или морфологического значения⁹.

Мы сделаем попытку принципиально иного рассмотрения этой работы, так как считаем приемлемой исходную позицию автора — признание общего значения падежа. Недостаточно четкое различие семантического и морфологического планов у Р. Якобсона проявляется в том, что он оперирует то корреляциями падежных признаков (морфологические корреляции), то корреляциями падежных значений (семантические корреляции), не отмечая принципиального различия между ними. В самом деле, в его докладе (как и в общей схеме корреляций русских падежей в его указанной статье от 1936 г.) представлены корреляции падежных признаков: направленности, периферийности и объемности (или охвата действием). Когда же автор обращается к анализу этих корреляций, избрав в качестве образца корреляцию вин.-им. падежей, он рассматривает уже корреляцию значений, в которой коррелятивный падеж обладает значением объекта действия. В противоположность этому немаркированный падеж характеризуется наличием по меньшей мере двух значений, а именно: 1) совпадающим с коррелятивным падежом значением объекта действия, которое для им. падежа является комбинаторным или не собственным значением, и 2) противопоставленным коррелятивному падежу значением (или рядом значений) не-объекта, т. е. значением субъекта действия, которое является специфическим значением им. падежа.

Корреляция принимает, следовательно, примерно, такой вид:

Вин. падеж — объект действия	Им. падеж	{ — объект действия — субъект действия
Им. падеж — субъект действия		

Поскольку немаркированный падеж обладает рядом значений, среди них определяется главное. Для определения главного значения вводится критерий контекста: «Специфическое значение именительного, которое прямо противопоставлено значению коррелятивного падежа, в данном случае — значение действующего субъекта или, еще точнее, значение субъ-

⁹ См. например: J. Kuryłowicz, Le problème du classement des cas, ВРГЛ, zesz. IX, 1949, стр. 41-43; Е. Р. Кур и л о в и ч, Заметки о значении слова, ВЯ, 1955, № 3.

екта переходного действия¹⁰ является главным значением именительного падежа. В этом значении¹¹ другой падеж, кроме именительного, невозможен. Можно, например, сказать: *Детей пришло!*, *Никого не было!*, но можно только сказать: *Дети собирали ягоды*, *Никто не пел* — и нельзя: *Детей собирало ягоды*, *Никого не пело*¹².

Переход от корреляции признаков к корреляции значений при анализе соотношений вин.-им. падежей оказывается незаметным, так как различие этих падежей определяется только одним признаком (в отношении второго и третьего эти падежи тождественны). Последнее обстоятельство обуславливает то, что корреляция значений вин.-им. падежей полностью соответствует первой корреляции признаков. Других семантических корреляций Якобсон не анализирует. Но совершенно очевидно, что вторая и третья корреляции Якобсона также должны быть переведены в семантический план, чтобы стало возможным определение комбинаторного, специфического и главного значений. А в том виде, как они представлены, они не могут быть подвергнуты такому анализу, как первая корреляция, т. е. в них нельзя, например, определить главное значение, пользуясь теми же критериями контекста, что и в первом случае.

Р. Якобсон не приводит семантических корреляций других падежей; между тем именно этот тип корреляций кажется нам бесспорным, так как он представляет собой определенный способ регистрации и сопоставления контекстуальных значений различных падежей.

На основании семантических корреляций могут быть определены морфологические¹³. Однако это определение не должно быть механическим перенесением отношений, наблюдаемых в сфере грамматической семантики, в морфологический план. Примером такого рода ошибки является, на наш взгляд, определение Якобсоном падежного признака первой корреляции, разграничивающего вин., дат. и им. падежи.

В самом деле, на основании того, что вин. падеж обозначает объект действия, а им. падеж — объект и субъект действия, Р. Якобсон делает следующий вывод: вин. падеж сигнализирует о том, что предмет должен подвергнуться действию, т. е. этот падеж выступает как маркированный в отношении признака направленности, в то время как им. падеж в отношении данного признака является немаркированным.

Бесспорные на первый взгляд заключения Р. Якобсона, которые он делает на основании семантической корреляции вин.-им. падежей, вызывают у нас сомнения как в части определения падежных признаков, разграничивающих эти падежи, так и в части определения отношения так называемых немаркированных падежей к разграничительным признакам.

Признак направленности определяет вин. и дат. падежи только как падежи объекта, в то время как они могут употребляться не только в объектном, но также и в субъектном значении, например: *Мне нравится эта картина*, *Кате надоело учиться*, *Меня тошнит*, где никакой направ-

¹⁰ С нашей точки зрения главным значением им. падежа следует считать значение действующего субъекта, а не значение «субъекта переходного действия», так как последнее определение необоснованно сужает понятие главного значения и делает его столь же строго контекстно обусловленным, как и несобственное для им. падежа значение объекта действия. В действительности же главное значение должно, видимо, характеризоваться максимальной широтой употребления. С семантической точки зрения различий в значении «действующего субъекта» при переходных или непереходных глаголах нет. Различие в употреблении им. падежа при переходных или непереходных глаголах — это различие позиции в контексте: при переходных глаголах им. падеж выступает в позиции противопоставления коррелятивному падежу, при непереходных противопоставление вин. падежу в контексте отсутствует.

¹¹ В связи с этим следует внести уточнение и в дальнейшую формулировку, заменив слова «в этом значении» словами — «в этой позиции...».

¹² R. Jakobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre, стр. 253.

¹³ Подробнее см. Е. В. Чешко, Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке, в кн.: «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959, стр. 50—60.

ленности действия на предмет нет. Пытаясь исправить эту неточность, Якобсон дает дополнительную характеристику указанных падежей, называя их наделительными падежами, так как каждый из них «наделяет предмет свойством или состоянием, вытекающим из направленного на предмет действия»¹⁴. Однако и эта — более гибкая — формулировка оказывается неудовлетворительной. Недостатком обоих этих определений является то, что указанный в них признак не мотивирует ограниченности сферы употребления данных падежей, не объясняет, почему вин. и дат. падежи не могут выражать значения активно действующего субъекта. Ведь предмет, подвергаемый действию, тоже может быть активным, как, например, предмет, обозначенный им. падежом при взаимных или возвратных глаголах, где, являясь объектом действия, он одновременно выступает и в роли субъекта.

Итак, падежный признак маркированного падежа должен быть ограничительным признаком, т. е. должен обуславливать не только все возможности употребления падежа, но также и все ограничения его употребления, иными словами должен указывать на такие свойства падежа, которые позволяют ему иметь одни значения и не позволяют выражать другие. Признаки периферийности и объемности (или неполного охвата) соответствуют этому требованию, так как первый исключает возможность значений, предполагающих тесную связь предмета с действием, а второй исключает значения, связанные с полным охватом предмета действием. В отличие от этого, признаки направленности или наделительности сами по себе не обуславливают невозможности выполнения функции активно действующего субъекта. Поэтому признаком, отграничивающим значения вин. и дат. падежей от им. и твор. падежей в первой корреляции, следует признать не признак направленности или наделительности, а признак п а с с и в н о с т и, который объясняет не только возможность выполнения объектных функций и функции пассивного субъекта, свойственной вин. и дат. падежам, но также невозможность для этих падежей выступать в функции субъекта активного действия.

Далее, построение семантических корреляций, аналогичных первой объектно-субъектной корреляции вин.-им. падежей, предполагает более подробную дифференциацию субъектно-объектных значений, чем это сделано в статье Р. Якобсона.

В значении субъекта, как мы видели, необходимо различать действующий субъект, который всегда является активным и потому не может быть выражен вин. и дат. падежами, и субъект восприятия (отношения или состояния), который может быть пассивным и потому может быть обозначен вин. или дат. падежами.

Поскольку им. падеж и твор. падеж также могут выступать в значении субъекта восприятия (*Я люблю сестру, Сестра любима мной*), создается корреляция, в которой дат. падеж и вин. падеж занимают место маркированных, а им. падеж и твор. падеж — немаркированных членов:

Вин. и дат. падежи	— субъект восприятия, отношения	Им.(твор.) ¹⁵ падеж	{ — субъект восприятия и отношения — субъект действия
--------------------	---------------------------------	--------------------------------	--

Учитывая разницу в употреблении падежей, в сфере объекта также следует различать значение объекта действия и объекта восприятия, отношения, так как дат. падеж может выступать во втором значении (например, *Я ему завидую*) и не может выступать в первом, т. е. не может обозначать объект, подвергаемый активному действию субъекта. Создается корреляция:

Дат. падеж — объект восприятия и отношения	Вин. (им., твор.)падеж	{ — объект восприятия и отношения — объект действия
--	------------------------	--

¹⁴ Р. Якобсон, Морфологические наблюдения..., стр. 23.

¹⁵ Здесь и ниже в скобках указываются падежи, для которых значение, противопоставленное коррелятивному, не является главным.

При глаголах активного действия (*Я даю ему книгу, Бабушка рассказывает внукам сказку, Я купила сыну пальто*) дат. падеж выступает в значении воспринимающего объекта (имеется в виду лицо, которое воспринимает данное действие или его результат). Он является объектом, а не субъектом, так как глагол не характеризует данного восприятия, а обозначает воспринимаемое как действие другого лица. Создается корреляция:

Дат. падеж — воспринимающий объект	Вин. (им., твор.) падеж	{ — воспринимающий объект — объект действия
------------------------------------	-------------------------	--

Следовательно, дат. падеж, занимая место маркированного члена в трех корреляциях с им. и вин. падежами, обладает тремя значениями. Очевидно, что не во всех этих значениях он может выступать в позиции противопоставления обоим падежам в контексте. Пользуясь сформулированным выше критерием, мы должны признать главным значением дат. падежа то, которое он имеет при переходных глаголах, т. е. в позиции противопоставления им. и вин. падежам. Это значение воспринимающего объекта (*Я даю ему книгу*). Главным значением вин. падежа является значение объекта действия. Итак, в отличие от Якобсона, мы предлагаем определять главное значение не только для немаркированных, но также и для маркированных падежей.

На основании рассмотренных корреляций можно сделать выводы об отношении падежей к дифференциальным признакам, разграничивающим их значения, т. е. определить признаки, характеризующие морфологическое значение падежей.

Функционирование дат. падежа определяется двумя падежными признаками: признаком пассивности и признаком периферийности. Оба эти признака являются **о г р а н и ч и т е л ь н ы м и**, так как в силу первого дат. падеж не может иметь значения действующего субъекта, а в силу второго не может обозначать объект действия, ведь последний обязательно предполагает тесную связь предмета с действием.

Как же относится к дифференциальным признакам им. падеж? Является ли он только неотмеченным падежом в отношении к данным признакам или может рассматриваться как носитель противоположных признаков — активности и тесной связи с действием? Нам кажется, что правильнее считать им. падеж не беспризнаковым, а падежом, обладающим противоположными признаками активности и тесной связи с действием. Рассмотрим возможность такого решения с точки зрения его допустимости и необходимости.

Допустимость подобного решения определяется следующим: широта функционирования так называемых «немаркированных» падежей может быть объяснена тем, что присущие им признаки не являются ограничительными; т. е. эти признаки, обуславливая возможность новых падежных функций, не исключают возможности выполнения функций, свойственных падежу, обладающему противоположным (ограничительным) признаком. Так, например, в отличие от признака пассивности, признак активности не является ограничительным. Определяя возможность выполнения функции активности действующего субъекта, он не исключает функции субъекта восприятия и отношения, свойственной вин. и дат. падежам, так как воспринимать и относиться можно не только пассивно, но и активно. Признак активности не исключает возможности выполнения объектных функций, поскольку эти функции обусловлены деятельностью другого предмета, которая равным образом может быть направлена как на пассивный, так и на активный предмет. Иллюстрацией этого может служить им. падеж при возвратных и взаимных глаголах, выступающий одновременно и в функции объекта действия, и в функции активно действующего субъекта. Только в страдательной конструкции при наличии логического субъекта признак активности им. падежа **н е й т р а л и з у е т с я**. Однако эта нейтрализация относится лишь к семантическому плану. Здесь мы под-

ходим ко второму тезису своей аргументации, к обоснованию не о б х о д и м о с т и признать им. падеж носителем признака активности.

Нейтрализация признака активности в страдательной конструкции не приводит к полному отождествлению значения объекта, выраженного им. падежом, со значением объекта, выраженного вин. падежом. Выполняя функцию объекта в страдательной конструкции, им. падеж представляет данное слово как грамматически независимое от глагола, управляющее глаголом. Оно выступает как объект только в семантическом, но не в грамматическом плане. Это заставляет признать, что морфологическое значение имеет свою собственную сферу проявления, которую условно можно назвать планом грамматического представления.

В некоторых областях морфологии, например в разграничении частей речи, план грамматического представления давно нашел свое законное место. Так, например, ни у кого не вызывает сомнений, что в слове *белзна*, обозначающем признак, или в слове *бег*, обозначающем действие, грамматически эти признак и действие представлены как предметы. Так же четко план грамматического представления должен быть отграничен от плана семантики и в области свойств и отношений, выражаемых грамматическими категориями. Морфологическое значение формы и характеризует план грамматического представления, который остается постоянным, в отличие от плана грамматической семантики, т. е. тех синтаксически и лексически обусловленных значений, в которых неограничительный морфологический признак, выражаемый данной категорией, может иногда не проявляться (нейтрализация), но которые никогда не могут выйти за пределы тех границ, которые поставлены ограничительным признаком.

В позиции противопоставления коррелятивным падежам каждый падеж выступает в своем главном значении — значении, наиболее полно соответствующем его морфологической значимости. Для им.падежа—это значение субъекта активного действия, в котором полностью реализуются все морфологические свойства данного падежа, обладающего неограничительными признаками активности, значение тесной связи с действием.

Другие падежи, обладающие признаком активности, получают иную реализацию этого признака в силу наличия каких-либо ограничительных признаков, лишающих эти падежи грамматической независимости от других слов. Так, например, для твор. падежа значение активно действующего субъекта является лишь семантическим, комбинаторным в силу признака периферийности, который ограничивает возможности проявления данного значения только пределами страдательной конструкции, где им. падеж может выступать в значении объекта.

В позиции противопоставления им. и вин. падежам твор. падеж обозначает предмет, способствующий осуществлению действия. Инструментальное значение является, таким образом, главным значением твор. падежа. Род. падеж в роли активно действующего субъекта также может выступать лишь при условии отсутствия им. и вин. падежей (*Народу собралось! Никого не было!*), причем специфика значения субъекта, выраженного род. падежом, определяется ограничительным признаком объема, т. е. обязательной характеристикой степени охвата действием (*много, мало, сколько*). Это создает крайне ограниченные лексические возможности проявления субъектного значения род. падежа (род. падеж субъекта возможен только от слов с собирательным значением).

Таким образом, асимметрия объема значений противопоставленных падежей объясняется тем, что дифференциальные признаки, которыми обладают падежи, могут быть ограничительными и неограничительными. При этом нейтрализация неограничительных признаков относится только к плану грамматической семантики, в то время как в плане грамматического представления они остаются неизменными. Именно это и заставляет нас признать неправильной характеристику падежей, обладающих нейтрализующимися признаками, как падежей б е с п р и з н а к о в ы х.